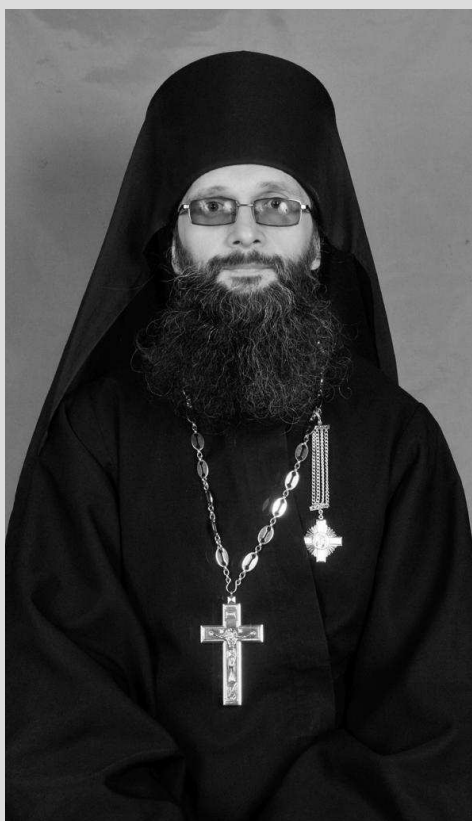

ТРИ ПЕРИОДА ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ В КНИГАХ АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)

Иеромонах **ЕВСТАФИЙ**
(Халиманков)

Белорусский государственный университет культуры (факультет культурологии) — 2003; Минская духовная семинария, бакалавр богословия — 2007; Минская духовная академия, кандидат богословия — 2010.

Едва ли не каждый христианин рано или поздно сталкивается в своей жизни с непонятным, на первый взгляд, явлением. Благодать Божия, которая как будто носила его на руках, вдруг скрывается, и человек ощущает страшную пустоту внутри. Сначала это воспринимается как искушение; кажется, что пройдет день-два, и снова станет все как прежде: и молитва «пойдет» сама собою, и на литургии будет охватывать «неземная благодать», и любить всех будет легко, и смиряться перед всеми в радость...

Так оно поначалу и будет. Но потом это мрачное состояние повторится вновь. А потом вновь и вновь. А потом вообще может стать постоянным. Будут проходить дни, недели, месяцы, но легче не станет. Скорее, наоборот. Архимандрит Софроний (Сахаров), один из великих подвижников нашего времени, в своей знаменитой книге, посвященной старицу Силуану, так об этом пишет: «Бог оставляет человека?.. Разве это возможно?.. И, однако, в душе на смену испытанному чувству близости Бога приходит другое — что Он бесконечно, недостижимо далек, дальше звездных миров, и все призывания Его погибают беспомощно в пространствах. Душа внутренне усиливает свой крик к Нему, но не видит ни помощи, ни даже внимания. Все тогда тяжело. Все достается несоразмерно многим трудом, сверхсильным. Жизнь становится страдальческой, и у человека появляется сознание, что над ним тяготеет клятва и гнев Божий. Но когда пройдут эти испытания, тогда увидит человек, что непостижимо чудесный Промысл Божий внимательно хранил его на всех путях»¹.

В настоящей статье мы попытаемся познакомить вас с пониманием богооставленности архимандритом Софронием (Сахаровым). Мы поразмышляем со

старцем Софронием о том, как принять, как жить — пережить — этот непростой период в духовной жизни; период, который ожидает каждого, последовавшего крестному пути Господа нашего Иисуса Христа.

1. Призывающая благодать

Истинная цель христианской жизни, по слову преподобного Серафима Саровского, состоит в стяжании Святого Духа². Мера христианского призвания чрезвычайно велика: в своей жизни мы призваны повторить подвиг Христа, хотя, конечно, и в гораздо более скромном масштабе³. «Жизнь христианина, в своем внутреннем существе, — пишет отец Софроний, — есть следование за Христом: «Что тебе (до кого бы то ни было иного)? Ты иди за мною» (ср.: Ин. 21:22). В силу этого каждый верующий в той или иной мере повторит путь Господа, но не своею силою возьмет он крест на рамена свои, чтобы идти в Гефсиманию и далее на Голгофу: «...ибо без Него не можем мы делать ничего» (ср.: Ин. 15:5)»⁴.

Так уж устроен человек, что скорби, претерпеваемые им, выглядят в его глазах самыми тяжелыми, исключительными. Но если более внимательно посмотреть на жизнь любого христианина, то можно увидеть, что все мы проходим примерно одни и те же этапы в духовной жизни. Подобно тому, как в физическом своем существовании человек вначале рождается, переживает младенческий возраст, затем — детство, юность, молодость и так далее... Нечто похожее происходит и с христианской душой. Учитывая это, очень важно знать — где, на каком этапе, ты находишься, и в соответствии с этим знанием решать свои духовные проблемы.

Архимандрит Софроний (вслед за преподобным Силуаном) неоднократно писал в своих книгах о трех периодах в духовной жизни христианина. И хотя отец Софроний не создал какого-то целостного стройного богословского учения⁵, все же он считал воз-

можным использовать некоторые аналогии общего характера, «чтобы яснее нарисовать картину нашего христианского пути»⁶. Так, в одной из бесед с насельниками Свято-Иоанно-Предтеченского монастыря он сказал: «... есть три периода духовной жизни: начальный — первая благодать, второй — отнятие благодати ощутимой и предоставление человеку проявить свое произволение, третий — возврат благодати уже в более совершенной форме как неотъемлемое достояние»⁷.

В святоотеческой литературе неоднократно встречается описание поэтапного характера духовного возрастания христианина. Некоторые отцы говорят о таких стадиях духовной жизни, как очищение, просвещение и обожение⁸. «Эта схема является больше философской и помогает в понимании структуры духовного пути человека. По сути, однако, благодать Божия является одновременно и очищающей, и просвещающей, и обожаящей. Старец [Софроний] следует библейской схеме духовной жизни, которая была осуществлена в истории израильского народа. Она имела три стадии: призвания, испытаний в пустыне и входа в Землю обетованную»⁹.

Итак, первый период в христианской жизни характерен явлением человеку так называемой *призывающей благодати*. «Первое действие любви Божией в отношении человека осуществляется, когда Бог видит благорасположение в человеке к принятию благодати»¹⁰. Пожалуй, каждый христианин, обратившийся к вере уже в сознательном возрасте, переживал это удивительное внутреннее состояние благодатного обновления, которое поначалу дарует Господь. Человеку вдруг открывается подлинный смысл бытия — бытия и его самого, и всего сущего в целом; мир вокруг преобразается; душу наполняет пасхальная радость и особого рода вдохновение, о котором часто пишет отец Софроний: «И когда наступит момент, и мы узнаем Его, тогда душа наша возлюбит Его; почерпнутое из сего познания вдохновение преисполнит нас

до блаженства. И познанное таким образом вдохновение уже никогда нас не покинет»¹¹.

Душа **узнает** своего Творца, исходит из своего экзистенциального сиротства и воистину оживает после долгого метафизического сна. Душа встречает **Отца** — вернее, это **Он** ее встречает — «И когда... [блудный сын] был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею, и целовал его» (Лк. 15:20). «Мы благоговейно ощущаем Его Отечество: мы видим, что Он жаждет сообщить нам Свою безначальную Жизнь: иметь нас до совершенства подобными Сыну Своему, Который есть «печать равнообразная Отца»... И все наше существо в умилении поклоняется Ему; не в страхе перед суровым Владыкой, но в смиренной любви к Отцу»¹².

О, эта дивная встреча Бога с человеком!.. Нет никаких слов, чтобы передать сладость этого огня любви, исполняющего человеческую душу. Невозможно без волнения читать такие удивительные строки преподобного Силуана Афонского: «Когда благодать в нас, то горит дух и рвется ко Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу любить Бога, и она возлюбила Его и не хочет оторваться от Него, ибо не может насытиться сладостью Духа Святого. И нет конца любви Божией... Господь много любит кающегося грешника и милостиво прижимает его к Своей груди: «Где был ты, чадо Мое? Я давно жду тебя». Господь всех зовет к Себе евангельским голосом, и голос Его слышен по всей вселенной: «Придите ко Мне, все труждающиеся. Придите, познайте, что Я люблю вас... Я не могу терпеть, чтобы погибла хотя бы одна Моя овца... Придите же ко Мне, овцы Мои. Я создал вас и люблю вас. Любовь Моя свела Меня на землю, и Я все претерпел ради вашего спасения, и хочу, чтобы вы познали Мою любовь и сказали, подобно Апостолам на Фаворе: Господи, хорошо нам с Тобою» (Мк. 9:5; Лк. 9:33)»¹³.

Отец Софроний (как и его учитель преподобный Силуан) много пишет о любви Бо-

жией к человеку. На всем облике блаженно-го старца лежала печать этой любви, так что часто она переливалась через край, исполняя сердца окружавших его людей благоговейным трепетом¹⁴. «Только Сам Дарователь Бог доподлинно знает, в какой мере Он изливал на меня радость познавать Его любовь»¹⁵, — признался однажды отец Софроний.

«Тяга к Богу в начале подвига бывает настолько интенсивна, что дух человека в своем напряженном движении к Всевышнему взирает исключительно на Него Единого»¹⁶. В период призывающей благодати духовное делание — будь то пост, бдение, молитва и другое, дается человеку как бы само собой: легко. Причина этого в том, что Сам Господь носит душу новоначального христианина на руках, не попуская ему в чем-либо серьезно упасть и расшибиться. Господь смиренно ожидает нашего покаяния и затем Сам, Первый, спешит принять кающегося человека в Свои Отеческие объятия; Он возится с душой человеческой, как любящая мать с новорожденным младенцем.

«Животворящий Дух Божий посещает нас, когда мы пребываем в состоянии смиренной открытости для Него. Он не насилует нашей свободы; Он окружает нас Своей нежной теплотой; Он приближается к нам так тихо, что мы можем и не заметить Его сразу. Не должно ждать, чтобы Бог ворвался внутрь нас силою, без нашего согласия. О нет; Он уважает человека, смиряется пред ним; Его любовь смиренная; Он любит нас не свысока, а как мать своего больного младенца. Когда мы открываем для Него наше сердце, то непреодолимо сильно чувствуем, что Он нам «родной», и душа преклоняется пред Ним в умиленной любви»¹⁷.

По-разному благодать Духа Святого приходит в душу, «ибо различны действия ее в каждом человеке, в зависимости от душевного устройства, умственного склада человека. В иных она проявляется бурно, в иных, наоборот, очень тонко и деликатно; в иных

постепенно восходит от меньшего к большему, в некоторых же сразу проявляется с великою силою, а после как бы оставляет»¹⁸. Сам отец Софроний был с преизбытком одарен действием первой благодати — «Душа моя познала Бога, что «Он есть любовь» (ср.: 1 Ин. 4:8), и Любовь неизреченная, несказанная, неизъяснимая, ненасытная, безграничная, чистейшая, святейшая, недомыслимая по совершенству, сладчайшая, крепкая, вечная, и что еще сказать? — Бог есть свет, в Котором нет ни единой тьмы (1 Ин. 1:5) (или пятна, или порока). Когда по дару милосердия Божия душа удостаивается созерцать Святость и Любовь Божию... тогда она невольно в каком-то неизъяснимом изумлении, удивлении говорит: «О, какой у нас Господь». И уже после того душа во всех своих разумениях и суждениях исходит из того познания, которого удостоилась, то есть что Бог есть любви (1 Ин. 4:8)»¹⁹.

Отец Софроний свидетельствует, что «благодать, даруемая вначале ради привлечения и обучения, иногда бывает не меньшей, чем у совершенных; однако, это вовсе не значит, что она усвоена получившим сие страшное благословение. Усвоение Божиих дарований требует длительного испытания и усиленного подвига»²⁰.

2. Богооставленность

После короткого, как правило, периода первой, призывающей, благодати христианин вступает в новую эпоху своей духовной жизни. «Когда Бог видит, что уже ничто во всем мире не сможет снова оторвать душу от Его Любви (ср.: Рим. 8:35-39), тогда наступает период испытаний»²¹. Об этом страшно и думать — не то что писать; однако, в жизни христианина рано или поздно наступает этот период. Почему? И... **за что?**

Отец Софроний пытается дать ответ на этот непростой вопрос: «Господь страдал за всех нас. Его страдания воистину покрывают все болезни истории нашей по падении Адама.

Чтобы познать как должно Христа, и нам самим необходимо включиться в Его страдания и переживать все, если возможно, как и Он Сам. Так, и только так, познается Христос-Истина; то есть бытийно, не отвлеченно, не чрез психологическую или умственную веру, не преложившуюся в жизненный акт»²².

Дары первоначальной призывающей благодати отнимаются у человека как «неправедное богатство», не принадлежащее ему, непричастное его греховной природе. Отец Софроний пишет, что «стяжать сию Любовь [Божью] есть конечная цель христианского подвига. Достижение сей цели связано с долгим и трудным путем. Но испытать посещение Божие в великой силе возможно по дару Свыше в какие-то моменты, когда душа в порыве раскаяния в грехах становится восприимчивою к сходящему на нее от Бога Свету. Однако эти первые посещения еще не суть навеки стяженное состояние спасенных. Это еще только «неправедное богатство», которое может быть отнято за неверность. Сохранить же сию благодать, пребыть верным всему, чему она нас научила, невозможно без глубокого плача годами (ср.: Лк. 16:9-12)»²³. Опыт первой благодати «есть только некоторое предвкушение обетованного обожения, — снова пишет отец Софроний, — опыт, как вдохновляющий нас призыв на подвиг, а не уже завершённый акт обожения. Сей дар благодати обогащает нас познанием о том, «что Бог приготовил любящим Его» (1 Кор. 2:9), но он, дар, еще не является вполне стяжанием нашим и может быть отнят как «неправедное богатство»... Но познание остается как память в душе»²⁴. Эта *память* в период богооставленности будет давать христианину силы жить и вообще не отчаиваться до конца.

В своей книге «Преподобный Силуан Афонский»²⁵ отец Софроний посвятил второму периоду — периоду богооставленности — целую главу, назвав ее «Духовные испытания». Познакомившись с этой главой, мы увидим, что учение отца Софрония

о трехэтапном движении души к Богу неоригинально — по сути, это учение старца Силуана. Впрочем, сам отец Софроний всю жизнь просто и смиренно повторял: «Не доведом для меня Промысл Божий, давший мне задачу послужить великому подвижнику преподобному Силуану Афонскому. Сидя у его ног, мне дано было слышать духовные слова этого избранника Божия»²⁶.

«Человеку с Богом не всегда легко...»²⁷ — начинает отец Софроний вышеуказанную главу «Духовные испытания». Ввиду особой важности этой главы мы позволим себе довольно пространные цитаты оттуда.

«Путь христианина в общих чертах таков. Сначала человек привлекается к Богу даром благодати, и когда он уже привлечен, тогда наступает длительный период испытания. Испытывается свобода человека и его доверие к Богу, и испытывается подчас «жесток». В начале обращения к Богу и малые, и большие, едва высказанные просьбы обычно скоро и чудесно исполняются Богом; но когда наступает период испытания, тогда все изменяется, и небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям. Ревностному христианину все в жизни становится трудным. Отношение к нему людей ухудшается; его перестают уважать; что прощается другим, ему не прощают; труд его почти всегда оплачивается ниже нормы; тело становится легко подверженным болезням; природа, обстоятельства, люди — все обращается против него. При всех естественных дарованиях, не меньших, чем у других, он не находит применения им. Ко всему этому он терпит многие нападения демонических сил. И последнее, самое тяжкое и несносимое страдание — Бог оставляет его. Тогда страдание достигает своей полноты, ибо им поражен весь человек во всех планах своего бытия»²⁸.

«Чтобы мы познавали исходящие от Бога дары, Он после посещения, оставляет нас на время. Странное впечатление производит богооставленность. В молодости я был жи-

вописцем... Этот естественный дар пребывал внутри меня. Я мог утомляться, не иметь сил на работу, не быть вдохновенным; но я знал, что дар сей есть моя натура. Когда же Бог покидает, тогда ощущается некий провал в самом бытии; и не знает душа — возвратится ли когда-нибудь Ушедший. Он — иной по природе Своей; Он скрылся, и я остался пуст; и пустоту эту страшную переживаю как смерть. С Его приходом мне было явлено нечто прекрасное, милое сердцу, превосходящее мое самое дерзновенное воображение. И вот я снова в том состоянии, которое раньше казалось мне нормальным, удовлетворительным, а теперь оно ужасает меня; представляется слишком животным, скотоподобным... Я был введен в дом великого Царя; я знал, что я родственник Ему, но вот опять я не больше, чем бездомный скиталец»²⁹.

«Человеку с Богом не всегда легко. В период отнятия благодати, который обычно весьма продолжителен, Бог иногда может представляться душе беспощадным мучителем. Не достигая милости Божией, несмотря на предельно доступный для него подвиг и труд, человек страдает настолько тяжело, что, если бы было возможно, отказался бы вообще от всякого бытия.

В чем же его страдания? Ответить на этот вопрос — задача нелегкая.

Испытав Бога, познав жизнь во свете лица Божия, душа уже ни в чем в мире не находит себе ни покоя, ни удовлетворения и ни на чем не может остановиться, и вместе все, кроме Бога, окружает ее. Все, что познала она как зло, как тьму, всякое демоническое действие обуревают ее, и мучительство страстей по временам доходит до последнего напряжения, а Бог словно отвратился от человека и не внимает никаким призывам его. Как самое беспомощное существо, повисает он над страшной бездной и кричит к Богу о помощи, но все крики остаются не услышанными. Богу как бы безразличны все его страдания. Душа знает о своем от-

ступлении от любви Божией и терзается сознанием своей неправды и измены Богу, но вместе она взывает к Нему о помиловании и не находит его. Лишь как обличитель в беззакониях предстает Бог душе, и она истаевает от этих обличений. Она признает правду суда Божия, но страдания ее от этого не умаляются. Не воображением, но действительно погружаясь в сень смертную и не обретая с собою Бога, Которого зовет день и ночь, душа страдает невыносимо.

Встает вопрос: зачем же все это?

Во время самого испытания душа не может воспринять его как проявление милосердия Божия или доверия Бога к ней, как желание Его приобщить человека святости и полноте бытия в Себе. Душа знает только одно, что Бог оставил ее после того, как явил ей Свой Свет, и тем безмерно умножил ее страдания. И когда, обессиленная вконец, она не видит Бога, склоняющегося к ней Своим милосердием, тогда приходят такие мысли и чувства, о которых хранится молчание. Душа нисходит во ад, но не так, как нисходят не познавшие Бога, не имеющие в себе света истинного богопознания и потому слепые, нет, она нисходит туда способная к осознанию созерцаемого ею мрака.

Так бывает лишь с теми, кто познал Божественную благодать и затем потерял ее³⁰.

Отец Софроний подчеркивал, что «не верующие в Бога не знают богооставленности. Сие горе переживают лишь те, кто уже познал благость Бога и всеми силами стремится пребывать в Нем и с Ним. Чем в большей мере вкусил человек радости единения с Богом, тем глубже страдает он при разлуке с Ним. Последний предел, известный нам из Евангелия — есть Сам Господь: после молитвы с кровавым потом в Гефсимании, в которой Он отдал все Отцу Своему, на кресте он «возопил громким голосом: Боже мой, Боже мой! для чего Ты Меня оставил?.. и опять возопив... испустил дух» (ср.: Мф. 27:46-50).

При таком полном истощании «человека Христа Иисуса» (1 Тим. 2:5) — истощание сие преобразилось в столь же завершенное обожение воспринятого Им в акте воплощения нашего естества. И Ему, уже как «человеку», дано Имя, превысшее.. всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем (ср.: Фил. 2:9; Еф. 1:21)³¹. Таким образом, опыт богооставленности прошел Сам Господь Иисус Христос, свидетельством чему были Его последние минуты на кресте.

В своих беседах отец Софроний часто возвращался к «образу Иисуса Христа, восходящего на Голгофу»³². Каждый христианин должен последовать за Христом, подражая Его подвигу истощания, хотя, конечно же, «никто из земнородных не достигает полноты Христа в мире сем. Христос — изумляющее нас чудо: Бог всемогущий, Он умаляет Себя чрез воплощение во всех последующих за сим страданиях вплоть до смерти на кресте и схождении во ад. Чудо в том, что в нашей рабской (ср.: Фил. 2:7-8) форме бывания Он явил совершенство истощания Божией любовью: «СОВЕРШИЛОСЬ» (Ин. 19:30; 17:4). Никто не может сравниться с Ним, но аналогия должна быть дана, хотя бы некоторым, чтобы ПОЗНАТЬ БОГА ДУХОМ СВЯТЫМ»³³. Такое ПОЗНАНИЕ отец Софроний называл «вдохновением свыше»³⁴ — этому вдохновению он учил своих монахов. Господь ожидает от нас «повторения Его жизни на Земле»³⁵; вся Его земная жизнь была истощанием и закончилась на кресте.

В чем же основной смысл богооставленности? Человеку необходимо пройти ад богооставленности главным образом для того, чтобы смириться. Когда от нас отступает Божия благодать — «ощутимая», начинается жестокая брань со страстями. Христианин знает уже — из Евангелия, из святоотеческого Предания, да и из собственного покаянного опыта — что есть грех; и благодаря именно этому знанию (см.: Рим. 7:7-12) страдает от тирании живущего в нем греха (см.: Рим. 7:13-24). «Заповеди ставят нас

лицом к Лицу Абсолютного Существа. Все наши попытки соблюсти их, заповеди, неизбежно проваливаются. Мы обнаруживаем нашу полную непригодность для сего шествия. Мы видим в себе такие извороты духа-ума и такие страсти сердца, которые убивают нас. Страх отпадения от Бога, в которого мы уверовали, велик. Мы непременно приходим в сердечную тугу от нас самих. Все, чем мы считали себя обогащенными в прошлом, мы отбрасываем и становимся обнаженными от всего: от наших земных привязанностей и знаний, и даже воли: так мы обнищаем, «истощаемся»³⁶.

Исходя из опыта первой благодати, человек жил уже в полной уверенности своего «богосыновства»; он считал себя во многом свободным от греха (по крайней мере, от своего греховного прошлого). И вот он видит, что ничего, оказывается, не изменилось в нем: грех владеет им с прежней силой, но страдания христианина от этого «закона греховного» (см.: Рим. 7:23) значительно усиливаются, так как и в уме, и в сердце живет память о первой благодати.

С особым напряжением, а подчас подлинной внутренней трагедией переживают разлуку с Богом великие святые. Божие указание преподобному Силуану «держи ум твой во аде и не отчаивайся»³⁷ приоткрыло ему тайну богооставленности: «Он духом проник в тайну борьбы преподобного Серафима Саровского, который после явления ему Господа в храме, во время литургии, переживая потерю благодати и богооставленность, тысячу дней и ночей стоял в пустыне на камне взывая: «Боже, милостив буди мне, грешному».

Ему открылись подлинный смысл и сила ответа преподобного Пимена Великого своим ученикам: «Поверьте чада! Где сатана, там и я буду».

Он понял, что преподобный Антоний Великий был послан Богом к александрийскому

сапожнику учиться тому же деланию; от сапожника он научился помышлять: «Все спасутся, один я погибну».

Ему стало ясно, что преподобный Сисой Великий имел в виду именно этот помысл, то есть «все спасутся, один я погибну», когда говорил ученикам: «Кто может носить помысл Антония? Впрочем, я знаю человека, который может носить этот помысл» (человек этот — сам Сисой).

Он увидел, он знал теперь, что мыслил преподобный Макарий Египетский, говоря: «Сойди в сердце и там сотвори брань с сатаною». Он уразумел, какая задача стояла перед юродивыми Христа ради и вообще путь, которым шли великие отцы-аскеты: Виссарион, Герасим Иорданский, Арсений Великий и другие»³⁸. Благодаря этому Божию вразумлению преподобный Силуан смог победить в себе главного врага — гордость — и придти в меру вышеназванных великих Отцов Церкви³⁹.

«В чем сущность указания Божия отцу Силуану?»

В том, что отныне душе открылось не отвлеченно-интеллектуально, а бытийно, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость, что Бог есть Смирение, и потому желающий стяжать Бога должен стяжать смирение»⁴⁰. Божий дар первой благодати как «богатство несправедное» отнимается от человека, и уже сам человек должен взыскать этот Божий дар — соделаться причастником Божественной благодати — путем напряженного подвига, доступного человеку. «Вообще Богу угодно, чтобы мы испрашивали у Него молитвою всякий дар благодати: веры, смирения, терпения и проч. — пишет отец Софроний. — Все это сначала дается вкусить душе даром, но затем благодать отымается (главным образом за возношение и гордость), и тогда человек должен сам с трудом искать ее для того, чтобы снова получить ее более прочным образом по сознательному к ней влечению и разумному усвоению»⁴¹.

Но действительно ли **необходимо** отъятие Божественной благодати, так ли неизбежен этот мучительный опыт? На примере старца Силуана отец Софроний поясняет: «Теперь обнаружилась и была осознана причина потери: душа не имела ни разума, ни силы понести дар»⁴². Однако страшный опыт богооставленности, который пережил старец Силуан перед тем, как получить Божие указание, подготовил его к видению Живого Иисуса Христа — «Ныне же Силуану дан был «свет разума», отныне он начинает «разуметь писание», его умному взору ясно предстал путь ко спасению...»⁴³.

Необходимо прибавить к этому, что отец Софроний не раз предупреждал своих монахов о невероятной — поистине древле-святоотеческой — мере любви к Богу, дарованной преподобному Силуану. «Да, я беспокоюсь, — сказал однажды отец Софроний в беседе с братией, — потому что, думая о уже бывших явлениях благоволения Божьего к нам, мы можем возбудить в себе желание ненужное, неверное, ложное, губительное — достигнуть таких же дарований, как у старца Силуана. Поймите мою осторожность... у нас невероятно великий отец — прп. Силуан. То, что с ним произошло, — редчайшее явление вообще в истории человечества. И если мы погонимся за теми же дарованиями, которые были у него, это будет ошибкой. Никогда не надо сравнивать себя с кем бы то ни было другим (ср.: 2 Кор. 10:12-14). Как бы ни был мал-велик пред Богом всякий из нас, Бог «занимается» с каждым человеком наедине сердечного общения. Обычный путь — не тот, который мы видим у прп. Силуана. Он, как и прп. Серафим Саровский, в самом начале пережил явление Христа. А нам надо иметь другую установку: христианин должен обычно думать о том, как умереть, очистившись покаянием. И тогда явится Христос человеку в вечности...»⁴⁴.

«Полнота истощания предваряет полноту совершенства»⁴⁵, — эти слова отца Софрония применимы вполне лишь к опыту истоща-

ния Господа Иисуса Христа. Однако и опыт великих святых недостижим для нас. Поэтому обычно в период богооставленности не все так беспросветно: оставление благодатью христианина не принимает характера абсолютной безотрадности, как это было, например, у преподобного Силуана. Временами Господь утешает страждущую душу: «Благодать иногда приближается, и тем подает надежду, обновляет вдохновение, и снова покидает»⁴⁶.

Итак, смысл богооставленности, по слову старца Софрония, состоит в том, чтобы «показать нам, что мы еще не готовы; что путь еще не до конца пройден; что нам предстоит пройти через подвиг более полного истощания; испивать чашу, которую Он испил (Мф. 20:22)»⁴⁷.

Повторимся: для того, чтобы снова воспринять дар Божественной благодати, необходимо сделать свою душу способной к его принятию — необходимо **смириться**. Отнимая первую благодать, Господь дает христианину возможность воспринять иной дар — покаяние⁴⁸, которое делает нас способными возлюбить Бога «до ненависти к себе» (см.: Откр. 12:11)⁴⁹. «Всегубительная страсть гордости, — пишет отец Софроний, — преодолевается только тотальным покаянием, чрез которое нисходит на человека благословение Христова смирения, творящее нас чадами Отца Небесного»⁵⁰. Но что это такое «тотальное покаяние»?

«Видение бесконечной святости Бога-Христа доводит сознание и чувство живущего и действующего в нас греха до такой степени, что человек положительно весь, всем своим существом сжимается и в великом порыве к Богу и в сильном отвращении от своего зла погружается в плач. Желание души уподобиться Богу в святом смирении становится тогда подобным смертельной жажде. Особая духовная печаль от своей духовной мерзости сильно томит тогда душу. В этой томительной печали о святости есть уже начаток самой святости, и потому отцы на-

зывают ее святой печалью, и, полюбив ее за святость, они дорожат ею и хранят ее..

Когда человек плачет всем своим существом от сознания своей неправды, своей вины и испытываемого глубокого стыда за себя и острого сознания себя лишенным того света и той жизни, которую ему дано было узреть, тогда от той ни с чем не сравнимой печали рождается энергия устремления к Богу, соответственная силе печали, силе страдания, которое может достигнуть такой меры, что действительно вырывает человека из мира сего, так что поистине забывает человек весь мир и бывает в таком состоянии, что не знает — «в теле или вне тела» был он.

Томление души, кающейся о своих грехах, бывает различных степеней⁵¹. Иногда оно может достигать столь великого напряжения, что некоторые отцы называли его «адам покаяния». И кто не проходил через этот ад покаяния, тот мало «способен» к Царству Небесному⁵².

Такое покаяние есть воистину Божий дар; попытки вызвать его в себе самому, каким-либо искусственным путем, глубоко чужды православному христианину, более того — они очень опасны. На это отец Софроний указывал Бальфуру, бывшему католическому монаху: «Относительно Вашего излишне напряженного стремления к плачу и сокрушению: к Богу, Который есть «огнь поядаяй» (ср.: Евр. 12:29), надо приближаться как можно тише, спокойнее, благоговейнее... Всячески надо оберегаться от искусственного нервного, кровавого возбуждения и от мечтательности. Простите; говорю в предупреждение, по любви своей к Вам. Католики, как мне приходилось слышать, именно этими недостатками и страдают... С другой стороны, некоторые путают духовное с душевным или, совсем не понимая первого, то есть духовного плача, последний, как душевный, подвергают осуждению»⁵³.

«Неизбежно одно из двух, — утверждает отец Софроний, — или в погоне за психофизиче-

скими наслаждениями и комфортом удаляться от Бога, а, следовательно, умирать духовно; или в стремлении к сверхприродному образу бытия — умирать для мира сего. В этом «умирании» крест наш, наше распятие...»⁵⁴. Память о первой благодати исключает возможность возврата к мирскому образу жизни, поэтому для христианина остается только одно: идти вперед. Говоря об этом, отец Софроний использовал яркий образ: «В прошлую последнюю Великую войну [т. е. в Первую мировую] часто, посылая в атаку солдат, начальство ставило пулеметы сзади наступающих, или офицер шел с двумя револьверами в обеих руках, чтобы всякого малодушного и готового отступить, расстрелять. Таким образом получалось для атакующих, что спасение и жизнь только впереди, если победишь врага. У нас, монахов, положение подобное этому. Наше спасение во всех смыслах только впереди»⁵⁵. И еще: «Сколько раз душа моя как маленькое беспомощное существо повисала над пропастью в великом страхе...»⁵⁶ Мой ужас был в том, что после того, как Бог снизошел до меня, я увидел, какими язвами я весь поражен. Я осознал себя до конца неспособным к Царству Святого Бога. Я не в силах описывать ту скорбь, которая погружала меня в длительный глубинный плач... Мне бывало тяжело до невыносимости, и я не раз пытался вырваться из Его святых рук (ср.: Ин. 10:28), но все попытки проваливались, потому что мне некуда было уйти: ничто в мире не влекло меня, не могло удовлетворить мой дух»⁵⁷.

Ничто в мире не может заменить Бога (см.: Ин. 6:66-68), поэтому страдающей душе ничего не остается как... далее страдать. В одном письме к Бальфуру отец Софроний пишет страшные слова: «Христианин никогда не сможет достигнуть ни любви к Богу, ни истинной любви к человеку, если не переживет весьма многих и тяжелых скорбей. Благодать приходит только в душу, которая *истрадалась*...»⁵⁸.

«Какие странные слова! Кто может это слышать?» (Ин. 6:60) — возможно, кто-нибудь

скажет и так; однако далее (в том же самом письме) отец Софроний говорит еще более откровенно: «Моя глубокая вера, — если Вы (это для всякого человека) не переживете тех скорбей, нищеты, унижений, быть может, голода, совершенной оставленности всеми — и людьми, и даже Богом: Боже Мой, Боже мой... вскую оставил Мя еси (Пс. 21:2; ср.: Мк. 15:34), — то никогда не познаете любви Божественной. Сердце, не сокрушившееся от ударов скорбей и не смирившееся вконец от нищеты всякой (и духовной, и телесной), неспособно принять Божию благодать. Последняя покупается весьма дорогой ценой»⁵⁹. «Испытывается человек, стремящийся к Богу, иногда сурово, а иногда даже «жестоко», но не все так испытываются, а лишь те, которых «предузнал» (Рим. 8:29) Бог как верных и мужественных. Верную душу Бог медлит посетить. Промедление сие в верной и крепкой душе углубляет покаяние, увеличивает отвращение ко всякому греху, более горячим и напряженным делает обращение к Богу»⁶⁰.

Все это — вышенаписанное — душа как-то может еще понять и принять.. в «теории»; однако едва духовные испытания начнутся в твоей личной жизни, «теоретическое мужество» рассеивается как дым, и христианин остается один на один со своим палачом — грехом. Отец Софроний, хорошо понимая это, старался, как мог, приободрить своих монахов, внушая им высокое достоинство «узкого пути»⁶¹ ко спасению: «Если мы созданы по образу и по подобию, то, значит, для нас приготовлено Царство бесконечное. И в великом страдании совершает христианин свой путь... Христианство, которое мы, православные, живем, действительно есть сплошное страдание. Но в этом страдании вдруг где-то находит себе путь золотая нитка тончайшей интуиции нашего родства с безначальным Богом»⁶². Страдая в напряженном стремлении исполнить Божьи заповеди, христианин постепенно восходит к экзистенциальному познанию Господа Иисуса Христа. «Чтобы познать как должно Христа, и нам

самим необходимо включиться в Его страдания и переживать все, если возможно, как и Он Сам. Так и только так познается Христос Истина; т. е. бытийно, не отвлеченно. Не чрез психологическую или умственную веру, не предложившись в жизненный акт»⁶³.

3. Возвращение благодати

После долговременного отъятия благодати (которое, между прочим, может длиться у верного христианина почти всю жизнь) наступает третий период: возвращения благодати уже в ином для испытанной души качестве. Когда именно вернется благодать, едва ли можно предугадать самому человеку, так как это — тайна Божия. Впрочем, отец Софроний говорил, что благодать приходит, когда мы полностью предаемся на волю Божию⁶⁴, когда живем в послушании⁶⁵, когда храним заповеди Божии⁶⁶. Однако мера этих «когда» для человека фактически неисчерпаема..

««Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк. 16:10-12). Кто в первичный период был наставляем самим действием благодати в молитве и всяком ином добре и во время длительной богооставленности живет так, как будто бы благодать пребывала с ним, таковой, по долгом испытании его верности, получит «истинное» богатство, в уже неотъемлемое вечное обладание; иными словами: благодать срастается с природой тварной, и обе сии: благодать и тварная природа — становятся едино. Этот заключительный дар есть обожение человека; сообщение ему божественного образа бытия, безначального, святого; преобразование всего человека, чрез которое он становится хриstopодобным, совершенным»⁶⁷.

««Благодать возлюбит человека и уже не будет оставлять его»⁶⁸ — завершение подвига стяжания благодати. Это есть третий этап, конечный. В совершенстве он не мо-

жет быть длительным, подобно первому, ибо состояние обожения благодатью земное тело не выдерживает: непременно последует «переход от смерти в жизнь». И сам человек не желает «возвращаться» все в ту же тягостную смену состояний; но если благоволит Господь продлить пребывание в этом мире подвижника, то удерживает его на той мере благодати, при которой сохраняется способность действия, а следовательно и возможность «передать верным людям, которые были бы способны и других научать» (ср.: 2 Тим. 2:2) тому, что сам он воспринял от Отцов и непосредственно от Бога»⁶⁹.

Обогащенный опытом страдания, стяжавший любовь Божию в подвиге «огненного искушения» (1 Пет. 4:12), такой христианин, сам «быв искушен... может и искушаемым помочь» (Евр. 3:8-9). В этом смысле он становится на путь Самого Господа Иисуса Христа, усвая себе Его любовь к человеку, Его «чувствования» — в этом как раз и заключается подлинное онтологическое познание Христа и Его пути, которому мы, христиане, должны последовать вслед за Ним. ««Знают» Христа лишь те, которые имеют внутреннюю жизнь, подобную Его земной жизни. По словам Апостола, в нас должны быть те же чувства, те же разумения, какие видим во Христе Иисусе, Который, будучи Богом по существу, уничижил Себя, восприняв нашрабский образ, и смирил Себя даже до смерти крестной (см.: Фил. 2:5-8)... Когда брошенный Им на Землю огонь касается сердца человека, только тогда он обретает силу следовать за Ним в Гефсиманию и на Голгофу. Следовать, конечно, духом, в глубоком страдании всего нашего существа. Этого рода познание Господа, «спешшего с небес» на Землю и далее во ад, приводит к частичному предвкушению воскресения»⁷⁰. «То есть сами мы все должны носить глубоко в себе сознание, которое видим во Христе, — считает отец Софроний, комментируя эти слова апостола Павла (Фил. 2:5-8), — и жить мир, как Адама, и молиться за всего Адама. Вот настоящее христианство православное!»⁷¹.

Очевидно, сам старец Софроний прошел все три этапа духовной жизни, поэтому он мог так свободно и дерзновенно учить своих монахов и вообще всех, желающих услышать духовное слово о путях спасения. Когда христианин вступает в период духовных искушений, — а это неизбежно для всех, кто «подвизается законно» (см.: 2 Тим. 2:5) — то пусть не устрашится душа его. Апостол Петр призывает нас не чуждаться «огненного искушения для испытания вам посылаемого как приключения для вас странного» (см.: 1 Пет. 4:12) — это путь всех святых нашей Церкви. Пример отца Софрония лишь один из таких опытов шествия «узким путем» вслед Христу, «куда бы Он не пошел» (Откр. 14:4). В скорбях не нужно унывать, падать духом и, тем более, отчаиваться. «Безумием было бы думать, что Господь благоволит страданиям. Он Сам проявил такую любовь, которая будет поражать нас во все века и в вечности. И когда Он приходит, то мы говорим Ему: «Господи, где же Ты был вчера или час тому назад?» Но странно, Он приходит, утешает нас свидетельством Своего присутствия, и уже нам нечего спросить у Бога. Так мы испытываем немощь нашего тварного существа: постоянные колебания, постоянные умножения или уменьшения боли и страдания, тьмы и света. Но, зная этот путь, мы постараемся вопиять и к Божией Матери, и ко всем святым, и к Самому Богу, чтобы дал нам терпение и силу на это терпение»⁷².

В «Прощальной беседе» со своими монахами отец Софроний сказал: «И вот, на сегодня я кончаю мой разговор с вами в трех словах: отдать нашу жизнь, чтобы жили другие; утешать всех приходящих, бедных, не имущих иного утешителя в мире сем; и так, служа Богу в Его страдающих братьях и сестрах наших, мы соединяемся в этой любви с Самим Христом навеки»⁷³. Так и каждый из нас, сам искушен, будет в состоянии помочь искушаемым. Священник, монах, мирянин, прошедшие через «узкий путь» богооставленности, путь страданий и скорбей, восшедшие на Голгофу и воскресшие духом в Господе, обретают

в своем сердце подлинную любовь к Богу и ближнему; осуществляя тем самым главную Божию заповедь, на которой «утверждаются весь закон и пророки» (Мф. 22:37-40).

Примечания

¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский / архимандрит Софроний (Сахаров). — Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. — С. 208.

² «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего» (Поучения и беседы преподобного Серафима Саровского. — Москва: Правило веры, 1997. — С. 211).

³ См.: Мф. 11:29; Ин. 13:14; Фил. 2:5; Рим. 6:2-23; Гал. 5:24; 6:14; 2 Кор. 5:14-21.

⁴ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве / архимандрит Софроний (Сахаров). — Санкт-Петербург: «Сатисъ», 2003. — С. 46.

⁵ Нужно отметить, что отцу Софронию вообще не было свойственно создавать какие-либо рациональные теологические системы. Наоборот — он весьма критически относился к так называемому «академическому богословию»: «Люди, подобные святому Иоанну Кронштадскому, кончали Академию, не теряя веры, — полные того опыта благодати, которая была дана им в детстве. В наше время воспитание детей — очень трудный момент. Школы наши поставлены в зависимость от сферы логики и земных интересов. Из-за потери веры родителями дети приходят в школу и учатся богословию также, как и всякому другому предмету — химии, физике, географии, лингвистике и так далее. И это приносит страшный вред, потому что они привыкают жить Бога логически. А те, которым знакомо дыхание Духа Святого, понимают, что логика Аристотеля не годится для богословия.. Эта aberrация теперь создается из-за того, что люди не подготовлены с юных лет (я бы сказал, «от чрева матери своей») к тому, чтобы жить Бога. Как они.. воспринимают то, что им пре-

подается в богословских школах? — Как отвлеченные понятия о Боге.. Я применил такое понятие «богослов»: преподобный Силуан стал богословом не в школьном понимании этого слова, то есть получив диплом семинарии, академии или тому подобное, — нет! — но в том смысле, когда богословие есть состояние человека, живущего Богом и в Боге» (Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. — Изд. 1-е. — Москва: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, «Паломникъ», 2003. — Т. 1. — С. 142, 146). «Жить Бога» — оригинальное выражение старца Софрония, обозначающее процесс богопознания как раскрытие личных взаимоотношений конкретной личности с Богом. «Знание Бога есть знание бытийное, а не отвлеченно-интеллектуальное. Тысячи и тысячи профессиональных богословов получают высшие дипломы, но в существе остаются глубокими невеждами в области Духа. И это потому, что не живут они согласно заповедям Христа..» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 134).

⁶ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — Изд. 3-е, испр. — Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2006. — С. 91. «В полноте перерождение падшего человека в «нового» (Еф. 4:22-24) совершается в три периода: первый, начальный — призыв и вдохновение на предстоящий подвиг; второй — оставление «ощутимой» благодатью и переживание богооставленности, смысл которой в том, чтобы предоставить подвижнику возможность явить верность Богу в свободном разуме; третий, заключительный — вторичное стяжание ощутимой благодати и хранение ее, связанное уже с умным познанием Бога» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 104).

⁷ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 276.

⁸ Так, например, протоиерей Георгий Флоровский, рассматривая богословие преподобного Исаака Сирина, констатирует: «Три этапа или три момента можно различить в

духовном процессе: покаяние, очищение, совершенство. Раскаяние в грехах, очищение от страстей и совершение в любви и восторге. Так расчленяет духовный путь сам преподобный» (Флоровский, Георгий, протоиерей. Византийские отцы V-VIII вв. / протоиерей Георгий Флоровский. — Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. — С. 236).

«Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная, или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая — средним и третья — совершенным» (Никита, Стифат, преподобный. Третья умозрительных глав сотница / преподобный Никита Стифат/ Добротолюбие: в 5-ти т. — Изд. репринт. — Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. — Т. 5. — С. 151).

Известный греческий богослов митрополит Иерофей (Влахос) в связи с этим проводит любопытную аналогию: «Учение святых отцов также выражает взгляд, что спасаемые разделяются на три чина. Во-первых, это рабы, которые хранят волю Божию, чтобы избежать ада; во-вторых — наемники, которые хранят заповеди, чтобы обрести рай; в третьих — сыны, которые делают все из любви к Богу, ибо чувствуют себя Его чадами. Эти три чина в действительности соответствуют трем этапам духовной жизни: очищению, просвещению и обожению» (Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность. — Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. — С. 60-61). И далее владыка Иерофей приводит соответствующую цитату из «Поучений» преподобного аввы Дорофея (см.: Душеполезные поучения и послания преподобного аввы Дорофея. — Минск: Свято-Елисаветинский монастырь, 2003. — С. 55).

⁹ Захария, (Захару), архимандрит. Христос как путь нашей жизни / архимандрит Захария (Захару). — Изд. 1-е. — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь и др., 2002. — С. 141.

Очень интересно говорит о трех периодах в духовной жизни христианина на примере истории Исхода израильского народа из Египта митрополит Антоний Сурожский (см.: Антоний, (Блум), митрополит. Школа молитвы / митрополит Антоний (Блум). — Клин: Христианская жизнь, 2001. — С. 21-42).

¹⁰ Захария, (Захару), архимандрит. Указ. соч. — С. 134.

¹¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 88.

¹² Там же. — С. 64.

¹³ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 347, 363-364.

¹⁴ Даже слушая беседы архимандрита Софрония в записи, замечаешь, как иногда дрожит его голос от слез умиления, когда он говорит о Боге или о старце Силуане. И если отец Софроний не мог сдерживать этих слов на людях, то можно только догадываться, какая любовь охватывала его на молитве, когда предстоял он Возлюбленному Господу наедине — лицом к Лицу. «И ничто иное, как только святая любовь источает слезы из сердца христианина. Писание говорит, что Иисус, «... возлюбив Своих сущих в мире, ДО КОНЦА ВОЗЛЮБИЛ ИХ» (Ин. 13:1). И лишь этим «до конца» объясняется Его кровавый пот в молитве Гефсиманской. Там, где нет любви, — нет слез, хотя бы аскетический подвиг принимал крайние формы.. Когда смиренный дух владеет нами, тогда льются слезы из «глубинь» сердца. Об этом плаче говорит Христос: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5:4). Каким утешением? В данном случае — утешением, исходящим от Духа Святого, Которого Христос именовал УТЕШИТЕЛЕМ; утешением не психологического или физиологического порядка, но ОНТОЛОГИЧЕСКОГО, относящегося к Божественной вечности» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 63).

¹⁵ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 55.

¹⁶ Там же. — С. 80.

¹⁷ Там же. — С. 35-36.

¹⁸ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания: Письма с Афона (к Д. Бальфуру) / архимандрит Софроний (Сахаров). — Изд. 1-е. — Москва: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, «Паломникъ», 2001. — С. 46.

¹⁹ Там же. — С. 160-161.

²⁰ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 103.

²¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 61.

²² Там же. — С. 113.

²³ Там же. — С. 61.

²⁴ Там же. — С. 242.

²⁵ Отец Софроний говорил, что «самая важная» его книга — «о святом Силуане» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 163).

²⁶ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 33.

«По воле Господа на меня выпал долг свидетельствовать о нашем духовном отце Силуане, которого Он показал мне в его подлинном величии. Преисполненный сознания моей малости, я произношу эти слова, исполненный великого страха. То, чему я научился у его ног при жизни его, я не хочу сохранить только для себя, но горю желанием сообщить всем вам в той полноте, в которой благоволил Господь открыть мне Своего избранника» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные

беседы. Т. 1. — С. 326).

²⁷ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 200.

²⁸ Там же. — С. 207-208.

²⁹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 34-35.

Об этом же отец Софроний пишет в другой своей книге: «Насладившись вожделенным Светом Неба, мы затем поставляемся в страшные положения: Дух Святой оставляет дом наш пустым, покинув нас. Нам уже казалось, что мы достигли Искомого, что мы созерцаем сокровенные от века Тайны в недрах Божества... и вдруг мы снова подобны обнаженным нищим» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 72).

³⁰ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 200-201.

³¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 155.

³² См., например: Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 26, 62, 67, 105, 107.

³³ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 161.

³⁴ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. — С. 66.

³⁵ Там же. — С. 28.

³⁶ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 149.

³⁷ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 48.

³⁸ Там же. — С. 50-51.

«Антоний Великий, Арсений Великий, Серафим Саровский и другие отцы наши — это люди совершенно исключительного мужества, отрeksiвшиеся от мира и презиравшие всякую опасность; и когда они плачут, то плачут не об утерянном имуществе, не о какой бы то ни было иной временной потере, но, очевидно, их взору предстоит нечто более страшное, чем всякие опасности, которые воображает человек на земле. К этим великим именам и им подобным мы позволяем присоединить и имя старца Силуана, которому «внимала вся пустыня», великая пустыня мира, то не должно забывать, что плач этот был его, Силуана. Он жил великую трагедию падения человека. Он плакал великим плачем, пред которым всякий душевный человеческий плач — ничто. Так плакать может только тот, кто видел вечный Свет Бога. Люди, не видевшие или, как говорит сам старец, не познавшие Бога, не могут понять этих страданий, не могут они и плакать таким плачем» (Там же. — С. 222).

³⁹ «... тече путь Антониев, Макариев, Сисоев, Пименов и прочих славных наставников пустынных, ихже и меры достиже и дарования, апостольстий и пророческий учитель являеся жив и по смерти» (Синаксарий преподобного и богоносного отца нашего Силуана Афонского / Служба и акафист преподобному Силуану Афонскому. — Святая Гора Афон: Издание Свято-Пантелеимонова монастыря, 2004. — Л. 10, на обороте).

⁴⁰ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 49.

⁴¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания. — С. 156.

⁴² Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 50.

⁴³ Там же. — С. 50.

«Та богооставленность, которую было дано Старцу Силуану пережить перед тем, как явился ему Господь, в своей духовной реаль-

ности есть «истощание» (кеносис) самого Старца. В той богооставленности, которую он выразил словами: БОГА УМОЛИТЬ НЕВОЗМОЖНО, очевиден Промысл Божий, давший Силуану погрузиться в темное отчаяние, — испытать ужасающее душу умирание, быть сведенным до крайнего умаления в силу отступления от него Бога. Но именно сие схождение во ад было приготовлением души для восприятия Христа, явившегося ему с великой силой» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 159-160).

⁴⁴ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. — С. 75.

⁴⁵ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 62.

⁴⁶ Там же. — С. 264.

⁴⁷ Там же. — С. 34-35.

⁴⁸ «ПОКАЯНИЕ есть бесценный дар человечеству. Покаяние есть чудо Божие, воссоздающее нас после падения. Покаяние есть изливание божественного вдохновения на нас, силою которого мы возносимся к Богу, Отцу нашему, для вечной жизни во Свете Его любви. Через покаяние совершается наше обожение» (Там же. — С. 33).

⁴⁹ Там же. — С. 112.

⁵⁰ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 148.

⁵¹ «... чем большею была познанная благодать в часы посещения Духа Святого, тем болезненнее и глубже бывает раскаяние» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 49).

⁵² Софроний, (Сахаров), архимандрит. Рождение в Царство Непокоримое. — Патриарший Ставропигиальный Св.-Иоанно-Предтеченский Монастырь, Издательство «Паломникъ», 2001. — Изд. 2-е. — С. 182-183.

«Когда человек плачет всем своим существом от БОЛИ, которую он испытывает от сознания своей гадости, то эта боль для него превосходит всякую иную боль вне его, и он мучительно живет себя, как худшего всех... Молитва в этой святой БОЛИ может вырвать дух человека в иной мир; и этот, земной, - забывается; и самое тело уже не ощущается. Отцы назвали это «адам покаяния», уподобляющим нас Христу, сходящему в Свой ад Любви. Как ни тяжело сие «адамово мучение», как ни велико страдание, ему соприсуща радость зова Божия и свет новой жизни» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 184-185).

⁵³ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания. — С. 80-81.

⁵⁴ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 111.

⁵⁵ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания. — С. 218.

⁵⁶ В одном из писем к Д. Бальфуру отец Софроний признается (имея в виду, скорее всего, себя): «Истину говорю, я знаю человека, который много раз не только взирал на страшную адскую бездну, но и висел над нею, и даже как бы погружался в нее, но Рука Божия извлекала его оттуда. Ходил он по земле, и люди с ним говорили, но он не чувствовал под ногами земли, а была под ним бесконечная черная пропасть. Тело омертвевало от скорби. Описывать ужас, переживаемый душою в то время, невозможно. Время для нее только как бы ниточка, за которую она привязана и, покамест, висит над бездною, а крутом себя видит она бесконечность, но еще погибельную — ад, где нет конца страданиям. Пребывая в такой беде, душа научается настоящей молитве» (Там же. — С. 74).

⁵⁷ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 171-172.

⁵⁸ Софроний, (Сахаров), архимандрит.

Подвиг богопознания. — С. 216.

⁵⁹ Там же. — С. 217.

⁶⁰ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Рождение в Царство Непокоебимое. — С. 184.

⁶¹ См.: Мф. 7:13-14.

⁶² Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 192.

⁶³ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 113.

⁶⁴ См.: Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 192.

⁶⁵ См.: Там же. — С. 277.

⁶⁶ См.: Там же. — С. 194.

⁶⁷ Софроний, (Сахаров), архимандрит. О молитве. — С. 104.

«После того, как проявлена нами непоколебимая верность, снова приходит Бог и навсегда вселяется в человека, ставшего СПОСОБНЫМ вмещать Огонь любви Отчей (ср.: Ин. 14:23; Лк. 16:10-12)» (Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 102).

⁶⁸ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Преподобный Силуан Афонский. — С. 241.

⁶⁹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. — С. 265.

⁷⁰ Там же. — С. 159.

⁷¹ Софроний, (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Т. 1. — С. 53.

⁷² Там же. С. 316-317.

⁷³ Там же. С. 325.